

Политическая социология

ВЛАСТЬ С ПОЗИЦИИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

П.А. Фирстов

Институт социологии
Российская академия наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117259, Москва, Россия

Современная наука склонна трактовать категорию власти как форму социального взаимодействия, подразумевающую влияние того или иного аспекта внешней по отношению к объекту, на который направлена власть, реальности. «Власть – форма социальных отношений, характеризующая способность влиять на характер и направление деятельности людей, индивидов и социальных групп, посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью *авторитета, традиций* и насилия (Власть экономическая, политическая, государственная, семейная и др.)» [14, с.97]. Подчеркивается также константная связь с волей субъекта – носителя власти. «Власть характеризуется прежде всего отношениями руководства и подчинения, т. е. означает возможность навязать свою волю, несмотря на несогласие индивида или группы» [14, с.97]. Таким образом, сразу же подчеркивается комплексность самого социального отношения, перерастающего в динамике в структуру внутрисоциальной связи. Средой, служащей базой в самой социальной реальности для построения конструктивной особенности властного взаимодействия, являются функциональность и особенности построения самой социальной среды.

В то же время данной базой не может быть исчерпано всё многообразие построения власти с позиций субъекта (носителя) власти или группы. Важнейшим механизмом любой таковой связи является интерессубъективность самой структуры внутри социальной реальности. Если мы будем придерживаться позиции родоначальника понятия трансцендентальной интерессубъективности, то мы вынуждены будем констатировать, что: «трансцендентальная интерессубъективность имеет онтологический статус абсолютного бытия, в то время как действительный мир для неё по существу относителен» [15, с.48]. Таким образом, структура повседневной реальности в действительности задает только форму взаимодействия власти как органической структуры внутри себя, реальностью же власти является непосредственный субъект-носитель.

Причины такой трактовки становятся понятны уже из самой формы «взрачивания» власти как структуры внутри социальной реальности: так как

сам субъект носитель власти (индивидуальность, личность, группа, общность) являются дискретными по своей форме, структуре и функциям сущностями и, следовательно, осуществляют свою деятельность дискретно (избирательно).

В то же время сама социальная реальность внутри деятельности субъекта носителя властных полномочий является переструктурированным индивидуальным миром и перерастает в комплексность объективных параметров. «...Трансцендентальная интересубъективность есть та, в которой действительный мир конституируется как объективный, существующий для “каждого”» [15, с.49].

Это позволяет, на наш взгляд, решить проблему теоретической обоснованности при выборе субъекта власти. Как отмечает В.Г. Ледяев, «понятийные проблемы возникают на всех этапах исследования власти, начиная с выбора методов, постановки целей и задач и кончая интерпретацией полученных результатов и подтверждением/опровержением гипотез. При выборе методов исследования концептуальный аспект проявляется прежде всего в том, что, отдавая предпочтение определенным способам выявления субъектов власти, мы выделяем те параметры, которые нам представляются наиболее существенными для идентификации властного отношения, и тем самым закладываем основания используемой (а не просто декларируемой) концепции власти» [6, с.6-7]. Таким образом, сама дискретность власти как система, базирующаяся на социальной реальности, должна в принципе оказаться тем методологическим понятием, которым можно было бы очерчивать реальность власти в обществе. Однако сама дискретность не является четко очерченным классифицирующим фактором в анализе социальной действительности, а выступает только как механизм взаимодействия актора, осуществляющего власть непосредственно с социальным окружением. Ключевым для нас в этом отношении является не сама структура трансцендентальной интересубъективности, а динамика дискретности познания окружающего социального мира, выступающая для нас в своей идеальной типизации, как чистой воды власть.

Кажется, что при редуцировании комплекса властных механизмов, сформированных «объективной» социальной реальностью, к трансцендентальной интересубъективности сама власть выпадает из поля зрения социологии, сводя его к субъекту и его трансформациям внутри реальности личностного контроля, однако это не так. Сознание всегда направлено на предмет, оно интенционально, следовательно, сам комплекс отношений объективности не выпадает, а приобретает субъектную (групповую) структуру.

Прежде всего сама структура и понятие жизненного мира были выделены Гуссерлем для преодоления разрыва между компонентами реальности – субъекта и объекта. Как верно замечает Ю.Н. Давыдов, «если в сфере науки мы встречаем мир как нечто противостоящее субъекту – объективное, распадающееся на бесконечное множество предметов, среди которых – как «вещь среди вещей» – рассматривается и сам человек, то в жизненном мире всё наоборот: здесь нет разрыва между субъектом и объектом, человеческим сознанием и его предметом; это мир всеобщей субъективности, слагающийся из

неопредмечиваемых – интересубъективных – отношений людей друг к другу, где нет косных неподвижных «вещей», а есть текучие, переливающиеся личностными оттенками «значения», вырабатываемые в ходе непосредственных контактов людей друг с другом и в этом же – межличностном – процессе сохраняющие или изменяющие свой смысл» [2, с.244-245]. Однако сам комплекс реальности объективного мира остается таким образом за скобками; реальность самой власти, выраженной объектом за пределами интересубъективности, сама по себе является редукцией самого субъекта мыслящего власть. То есть группа сама по себе является уже не носителем объектности, а является редукцией мусли субъекта в отношении социальной реальности. Здесь за нами как субъектами власти остается преимущество данной редукции, а именно то, как проецировать интересубъективность власти. Но никак ни то, что проецировать.

Здесь, как мы видим, сама феноменология превращается в трансцендентализм с его представлением об изначальной корреляции реальности и ее осознанием. И это, к сожалению, единственный путь феноменологии как философской дисциплины, ибо вторая его грань – наивный (некритический) реализм даже не пытается дать теоретический анализ онтологической природы веры в социальное бытие человека, предлагая нам только сущностные константы. «Вера в мир» оказывается предельным понятием не только феноменологической социологии, но и феноменологии как собственно философской дисциплины: там, где последняя должна была бы фундаментировать феноменологическую социологию, объяснив ей, что же значит эта «вера в мир», от которой отправляются феноменологические социологи в конструировании картины социальной реальности, роли неожиданно меняются; феноменологическая философия отказывается от дальнейшего анализа, признавая тем самым, что философски не проанализированная «вера в мир» оказывается ее предельным понятием и предоставляет своему отпрыску – феноменологической социологии – выяснить, что же эта вера все-таки означает. Разумеется, этот вывод верен лишь при условии одобрения Э. Гуссерлем основы теоретической позиции книги А. Шюца «Смысловое строение социального мира», на чем настаивают феноменологические социологи» [2, с.248].

Мы видим, как реальность власти как социально-объективного явления пересматривается с позиции феноменологического анализа с точки зрения субъект-субъектного взаимодействия, и вера в сам объект власти внутри социального мира остается на совести дискретности субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – СПб., 2001.
2. *Давыдов Ю.Н.* Социологический радикализм и феноменологическая социология // История теоретической социологии. – Т. 4. – М., 2002.
3. *Иванников В.А.* К сущности волевого поведения // Психологический журнал. – 1985. – № 3.
4. *Ильин Е.П.* Психология воли. – СПб., 2002.
5. *Колесников В.Н.* Лекции по психологии индивидуальности. – М., 1999.

6. *Ледяев В.Г.* Социология власти: концептуальные проблемы // Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2003.
7. *Мусихин Г.И.* Власть перед вызовом современности: сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII – начала XX веков. – СПб., 2004.
8. *Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 2.
9. Проблема личности и её роль в вопросах соотношения психологии и физиологии // Исследования личности в клинике и экстремальных условиях. Сборник работ ЛГУ и НИИ им. Бехтерева. – Л., 1969.
10. Психология и проблемы человекознания. – М., 1996.
11. *Пуни А.Ц.* Проблема произвольной (психической) регуляции двигательной деятельности в спорте // Теория и практика физической культуры. – 1966. – № 1.
12. *Рубинштейн С.Л.* Общая психология. – СПб., 2000.
13. *Смирнов Б.Н.* Воля // Психология: Учебник для техникумов физической культуры. – М., 1984.
14. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001.
15. *Шютц А.* Трансцендентальная intersubjectивность у Гуссерля // Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. – М., 2003.

PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE POWER

P.A. Firstov

The Institute of Sociology
The Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo str. 24/35, bl. 5, 117259, Moscow, Russia

In the contemporary science the power is identified primarily as a concept of social interaction presupposing outer influence on the object. Phenomenological approach suggests absolutely different definition of power – as an attribute of empowered subject. Such an approach examined in the article helps to explain transformations of power fields in the contemporary society